

Tamara Morewa

Katedra Literatury Światowej

Narodowego Uniwersytetu im. Ilii Miecznikowa w Odessie, Ukraina

**О ЖАНРОВЫХ ОСОБЕННОСТЯХ «ОДЕССКОЙ»
ГЛАВЫ ПОВЕСТИ
К. Г. ПАУСТОВСКОГО «ЗОЛОТАЯ РОЗА»
«СЛУЧАЙ В МАГАЗИНЕ АЛЬШВАНГА»**

Объектом данной статьи является фрагмент книги Константина Паустовского «Золотая роза» (1995). Проблема труда писателя, являющаяся в ней центральной, была одной из ведущих для Паустовского. Ещё в 1946 году во время беседы с молодыми литераторами он признался:

...я давно, очень давно уже думал над одной книгой, <...> эта книга о том, как пишутся книги <...> Я начал её писать перед войной, но оставил, потому что война мне помешала. Это книга о рождении замысла прежде всего <...> О всём, что сопутствовало рождению книги, о встречах, о любви, о моих размышлениях по этому поводу и о самом творческом процессе во время работы над книгой...¹.

«Золотая роза» не раз привлекала внимание исследователей. Важные замечания о ее структуре высказаны Леонидом Кременцовым, который выделил четыре основных компонента книги:

один – рассуждения об общих закономерностях литературного труда, другой – об особенностях восприятия литературных произведений, третий – о работе над собственными произведениями, четвертый – литературные портреты писателей².

Ряд работ посвящен проблеме жанра «Золотой розы». Альберт Измайлов определил ее как «цикл новелл»³, Л.П. Кременцов назвал

¹ К.Паустовский, *Рассказы. Очерки и публицистика. Статьи и выступления по вопросам литературы и искусства*. М., Просвещение, Москва 1972, с. 66-67.

² К.Г.Кременцов, *К.Г. Паустовский. Жизнь и творчество*, М., Просвещение, Москва 1982, с. 51.

³ А. Измайлов, *Наедине с Паустовским*, Ленинград 1990, с. 67.

«научно-художественной повестью»⁴. Сам К.Г. Паустовский не дал четкого определения жанра книги, которую считал своим «прорывом в новую прозу».

Это новое, на мой взгляд, - писал К.Г. Паустовский, - заключается во внутренней свободе<...> рассказов, не связанных ни сюжетом, ни той или иной обязательной композицией, ни необходимостью быть поучительным или нравоучительным и тем самым – несколько скучноватым и оторванным от читателя <...> Свобода в трактовке материала, ясность, «выпуклость» языка – вот к чему должен стремиться писатель. Как определить жанр тех вещей, о которых я упомянул? Не знаю! Это не рассказы в точном смысле этого слова, не очерки и не статьи. Это не стихотворения в прозе. Это записки размышлений, просто разговор с друзьями...⁵.

Мы не ставим перед собой задачу всестороннего изучения «Золотой розы» К.Г. Паустовского. Нас интересует только одна ее часть «Случай в магазине Альшванга». Она, как и ряд других глав книги посвящена языку художественного произведения. «Скверный язык книг может свести к нулю все достижения литературы», – был убеждён К.Г. Паустовский.

С языком, – писал он, – связана интереснейшая писательская работа – т.н. «правка». Для меня написать вещь – это четверть дела. Главная работа падает на правку. Она чрезвычайно увлекательна. Вы видите, как у вас под руками рыхлая, «ватная» и клейкая фраза превращается в крепкую и живую⁶.

Но главным образом «Случай в магазине Альшванга» представляет для нас интерес в связи с тем, что отражает одесский период жизни писателя, вводит читателя в атмосферу жизни Одессы зимы 1921 года. Называются Новый базар, порт, Малый фонтан, «единственный в то время черноморский пароход «Пестель»», «деревяшки» (женские туфли, производство которых отличалось «античной простотой»), которые наловчились изготавливать одесские умельцы и т.д. Эти «деревяшки» представляли собой, наверное, важную деталь бытовой жизни города времени Гражданской войны. Они «появляются» и в известной повести Александра Козачинского «Зеленый фургон», действие которой происходит в 1920 году. У героя произведения Володи было два помощника. В отличие от агента Грищенко, в котором «все говорило о подвиге», в том числе и «знаменитые английские военные ботинки на шипах, весом по два с половиной кило каждый, ботинки героя», Виктор Прокофьевич Шестаков, немолодой, болезненный человек, ходил по улице в деревянных сандалиях, дома же – босиком.

⁴ К.Г.Кременцов, *К.Г. Паустовский. Жизнь и творчество*, Москва 1982, с. 51.

⁵ Р. Александров, *Хождение внутри книги*, Одесса 2013, с. 163.

⁶ К. Паустовский, *Умение видеть* [в:] Вопросы литературы, 1963, №12, с. 125.

Деревянные сандалии, называвшиеся в Одессе, стукалками, - сообщает повествователь, - при ходьбе шелкали, как кастаньеты, и по этому шуму за километр можно было узнать о приближении детектива. Володя не раз с неудовольствием спрашивал Шестакова: „Ну, а что вы будете делать со своими стукалками, Виктор Прокофьевич, если вам придется подкрадываться?“. И Виктор Прокофьевич смущенно отвечал: „Тогда я их сниму и буду подкрадываться босиком“⁷.

В «Случае...» К.Г. Паустовского «стукалки» только упоминаются. Главным образом в нем интересен литературный фон Одессы 1920-х гг. К.Г. Паустовский вспоминает о своей службе в качестве секретаря газеты «Моряк», о писателях, работавших в ней: Катаеве, Багрицком, Бабеле, Олеше и Ильфе. Центральная фигура в этом фрагменте «Золотой розы» - Андрей Соболев.

Жизнь и творчество Андрея Соболева (1888–1926), одного из первых переводчиков Шолом-Алейхема на русский язык, писателя с широко и разнообразно представленной еврейской тематикой, еврейскими персонажами и еврейскими заботами и переживаниями, практически не изучены. В оценке критики, как начала XX века, так и современной, Андрей Соболев предстаёт одним из многих хороших писателей, частью общего потока литературы «о времени и о себе», упоминается среди литераторов более или менее известных, но не удостоенных пристального внимания. До сих пор нет сколько-нибудь полных изданий его произведений, нет монографических исследований творчества писателя, чьё имя тем не менее постоянно упоминается в различных работах по истории литературы 1920-х годов. Обращение именно к этой фигуре литературного процесса тем более важно, что современники писателя отмечали удивительную типичность его творчества для художественного сознания времени. Косвенным подтверждением тому служит и тот факт, что в 1910–1920-е годы А. Соболев был яркой фигурой литературной жизни России, и его произведения пользовались успехом у различных групп читателей. В 1927 году, по результатам читательского опроса газеты «Гудок», А. Соболев оказался на первом месте в числе самых любимых писателей. Анонсы его произведений печатались в толстых журналах, сборники рассказов, несмотря на неодобрительные рецензии, переиздавались, четырёхтомное собрание сочинений выдержало два издания подряд в 1927 и 1928 годах, а читатели в журнальных анкетах о самых читаемых и любимых авторах ставили его имя рядом с С.Есениным.

Произведения А. Соболева были забыты последующими поколениями отчасти из-за идеологически жесткой критики, которая заклемила писателя «правым попутчиком» и обвинила его в упаднических настроениях, после чего чтение его произведений стало представляться

⁷ А. Козачинский, *Зелёный фургон*, С. Диковский, *Патриоты*, Москва 1984, с. 27.

чем-то крамольным, отчасти потому, что произведения А.Соболя касались актуальных тем и проблем современной ему жизни, которые оказались невостребованными новыми поколениями читателей, отчасти из-за того, что избранный им художественный язык воспринимался уже как устаревший.

Начиная с первого появления А. Соболя на страницах журнала «Русское богатство» в 1913 году, не было ни одного издания произведения писателя, которое прошло бы незамеченным. Однако, наиболее пристальный интерес критиков вызвали публикации романа «Пыль» (1914–1915 гг.), посвящённого проблеме революционных террористических групп и национальному вопросу в революции, сборника рассказов «Обломки» (1923 г.) о судьбах интеллигенции, оказавшийся «за бортом» постреволюционной жизни, и воспоминаний о царской каторге «На каторжном пути» (1925 г.).

Писатель Андрей Соболев, человек яркой и трагической биографии, в начале 1920-х годов жил в Одессе. Как отмечает Ростислав Александров в своём историко-литературном комментарии к произведениям К. Г. Паустовского об Одессе «Хождение внутри книги»:

...На литературном вечере в Государственных художественных мастерских, как называлось тогда знаменитое Художественное училище, он (Соболев) читал отрывки из своего романа «Салон-вагон», в альманахе «Посев» напечатал повесть «Бред», которую начал писать в Москве и закончил в Одессе» Кроме К.Г. Паустовского, замечает Р. Александров, о Соболе писал и Валентин Катаев в книге «Уже написан Вертер»⁸.

К.Г. Паустовский описывает его «как старого, опытного» писателя и в то же время «милого, всегда чем-нибудь взволнованного, неусидчивого человека», одной из особенностей которого была неспособность «возвращаться» к написанным своим вещам», в силу утраты к ним интереса. Причиной подобного была, по мнению писателя, нервозность А.Соболя. Именно с этой особенностью натуры талантливого литератора связана ситуация, лежащая в основе «Случая...» и заключающаяся в том, что иная, чем в исходном варианте, расстановка знаков препинания принципиальным образом изменила всё произведение.

Завязкой сюжета «Случая в магазине Альшванга» является эпизод принесения Соболевом в редакцию «Моряка» рассказа. Даже не само по себе событие, а характер того, что представлял собой этот рассказ. Это было «раздёрганное, спутанное» и в то же время «безусловно талантливое» произведение. Поэтому все в редакции понимали и то, что рассказ интересен, и то, что «печатать его в таком небрежном виде было нельзя». Как правило, развитие действия в художественном произведении связано с

⁸ Р. Александров, *Хождение внутри книги*, Одесса, Optimum, 2013, с. 58-59.

появлением какого-то лица, которое дает направление дальнейшему движению конфликта. Таким лицом в «Случае...» оказывается «старик» Благов. В повести «Время больших ожиданий» (глава «Рубка мебели») К.Г.Паустовский даёт портрет Федора Благова:

...богобоязненный и прижимистый старик, бежавший из Москвы в Одессу <...> Благов оказался возмутительно придирчивым к орфографии. Достаточно было кому-нибудь из сотрудников сделать пустяковую ошибку, чтобы заслужить его вечное презрение <...> Когда в типографию входил Благов, на них (на наборщиков) жалко было смотреть. Они теряли самообладание, как гимназисты на выпускном экзамене⁹.

Фёдор Благов был редактором «Русского слова» и членом Правления «Товарищества» Сытина. Выпускник медицинского факультета Московского университета, Благов некоторое время занимался врачебной практикой, 1897 году стал сотрудником редакции «Русского слова», а через четыре года – её официальным редактором. В своём исследовании «Хождения внутри книги» Р. Александров отмечает, что

...в Одессе после прекращения выхода журнала «Москвич» стараниями Благова появилась издаваемая москвичами газета. «Приехал в Одессу наш милый редактор Ф.И. Благов и стал скликать сотрудников «Русского слова», – писала в своих воспоминаниях Тэффи. – «Русское слово» начнёт выходить в Одессе. Сотрудники собрались в достаточном количестве, и дело стало быстро налаживаться» (1, 91)¹⁰.

При большевиках Благов оставался жить в Одессе. Позже он переехал в Кишинев, а затем в Чехословакию, которая становилась культурным, научным и образовательным центром русской эмиграции. В середине 1920-х годов Благов переехал в Париж, где его избрали заместителем председателя правления Московского землячества и включили в состав редакции ежедневной эмигрантской газеты «Шанхайская заря». Последней же газетой на родине, в которой он работал, остался одесский «Моряк». К. Г. Паустовский так описывает Благова в «Случае...»:

Сидел с нами и наш корректор, старик Благов, бывший директор самой распространенной в России газеты «Русское слово», правая рука знаменитого издателя Сытина. Это был неразговорчивый человек, напуганный своим прошлым. Всей своей солидной фигурой он совершенно не вязался с оборванной и шумной молодёжью нашей редакции¹¹.

⁹ К. Паустовский, *Время больших ожиданий (Рассказы, дневники, письма)*, Одесса 2012, с. 142.

¹⁰ Р. Александров, *Хождение внутри книги*, Одесса 2013, с. 91.

¹¹ К. Паустовский, *Собрание сочинений*: в 6 т., Москва 1987, т. 2, с. 591.

Благову удаётся, не вписав ни одного слова в рассказ Соболя, изменить его радикальным образом. Кульминацией является эпизод прихода Соболя в редакцию и требование назвать того, кто работал с его рассказом:

Кто трогал мой рассказ? – закричал он неслышанным голосом и с размаху ударил палкой по столу, где лежали комплекты газет <...> Ложь! – крикнул Соболя. – Брехня! Я всё равно узнаю, кто трогал!»¹². Дальнейшее развитие действия стремительно. «Запахло скандалом. Робкие сотрудники начали быстро исчезать из комнаты <...> Тогда Благов сказал спокойным и даже унылым голосом: «Если вы считаете, что правильно расставить в вашем рассказе знаки препинания – это значит тронуть его, то извольте: трогал его я. По своей обязанности корректора»»¹³. И неожиданно – Соболя благодарит за корректуру знаков препинания в его рассказе: «Соболя бросился к Благову, схватил его за руки, крепко потряс их, потом обнял старика и троекратно, по-московски, поцеловал его. Спасибо! – сказал взволновано Соболя. – Вы дали мне чудесный урок. Но только жалко, что так поздно. Я чувствую себя преступником по отношению к своим прежним вещам»¹⁴.

Таким образом, глава из книги «Золотая роза», посвящённая литературному ремеслу, главным образом иллюстрирует мысль К.Г.Паустовского о том, что «точка, поставленная вовремя», действует на читателя «с поразительной силой». Но она даёт нам также многое для того, чтобы понять и особенности литературной жизни Одессы 1920-х годов.

Как мы заметили в начале статьи, наша задача – определить жанр «Случая...». На наш взгляд, есть основание отнести «Случай...» к категории художественно-документальных жанров и определить как очерк литературной жизни Одессы 1920-х годов. Здесь на первом плане – достоверные факты, события, внешний мир, называются подлинными именами и фамилиями изображаемых лиц, показаны действительные, а не вымышленные места событий, описывается реальная обстановка, указывается время действия. И в то же время не меньше оснований судить о «Случае в магазине Альшванга» как об одном из собственно эпических жанров, точнее рассказе. Учитывая же наличие в нём пуанта, это новелла.

Термин «пуант» традиционно приложим к таким жанрам, как эпиграмма, анекдот, басня и обозначает собою краткое заключение текста. Александр Квятковский в «Поэтическом словаре», помимо традиционного предлагает и расширительное толкование пуанта», каковым является всякая

¹² К. Паустовский, с. 594.

¹³ К. Паустовский, с. 594

¹⁴ К. Паустовский, с. 594.

«резкая концовка в строфе или стихотворении, содержащее остроумное выражение, афористическую мысль или неожиданный вывод...»¹⁵.

Как отмечает Марк Соколянский:

«...А. Квятковский склонен рассматривать пуант как разновидность концовки, наряду с эпилогом, развязкой, моралью (в басне), эпифорой и т.д. Причём диапазон жанров, к которым приложим термин, расширяется имплицитно и не только имплицитно: к примеру, пуантом именуется неожиданное разрешение конфликта в новеллистке О. Генри»¹⁶.

Учёный так же отмечает, что

...Тенденция к расширению жанрового поля употребления термина характерна и для новейшего немецкого словаря литературоведческих терминов, где даётся такое определение: «Пуант – остроумный неожиданный акцент, в котором шутка или эпиграмма достигает высшей точки, создаваемый непредвиденным переходом происходящего от однозначности к многозначности или прочим эффектам удивления, а воспринимающего побуждает к пересмотру своего понимания...»¹⁷.

В подобной жанровой неопределенности «Случая...» нет ничего странного. Начнем с того, что сам автор не мог дать точное определение книге, частью которой он является. Кроме того, из теории литературы известно, что жанр по своей природе тяготеет к целостности, то есть к синтезу. Он охватывает формальные и содержательные аспекты художественного произведения. Группы жанров эпоса находятся в тесном взаимодействии друг с другом (роман-миф рождается на стыке собственно эпической и художественно-риторической групп жанров, автобиографическая повесть – собственно эпических и художественно-документальных и т.д.). Так и в «Случае...» – личное восприятие автором внешних событий и стремление наиболее точно воссоздать их обретает художественную форму. Для того, чтобы разобраться в природе новеллы и тех жанров, с которыми она вступает во взаимодействие, обратимся к некоторым моментам теории жанра. Как пишет Артур Малиновский:

...жанр – это единство его повторяющихся элементов и признаков<...> категория жанра представляет собой единство внутреннего мира произведения, т.е. сферы изображённого в его внешней выраженности в том или ином типе

¹⁵ А. Квятковский, *Поэтический словарь*, Москва 1996, с. 228.

¹⁶ М. Соколянский, *Пуант и его разновидности в концовках драматических произведений*, [в:] *Слов'янські наукові читання: Літературознавчий та лінгвокультурологічний аспекти*, Одесса 2016, с. 24.

¹⁷ Там же, с. 24-25.

текстуальных связей»¹⁸. При этом «...модель мира <...> напрямую соотносится с представлением о воссоздаваемой в произведении целостности мира»¹⁹.

Таким образом, жанровый синтез, о котором пишет исследователь, помогает нам понять межжанровые взаимодействия новеллы и очерка в произведениях К.Г. Паустовского.

Кстати, интерпретируя специфику жанра другого произведения К.Г. Паустовского, повести «Чёрное море», исследователь приходит к аналогичному выводу о том, что в художественном мире писателя взаимодействия между жанрами являются закономерными и объясняются особенностями авторского мышления. По мнению А.Т. Малиновского,

...в произведении Паустовского типологические признаки очеркового жанра трансформируются, обогащают форму очерка, приближая его к сюжетному повествованию²⁰.

Согласно такой логике, «элементы очерка и новеллистики настолько взаимопроникают друг в друга, что их разделить невозможно»²¹. А эпизод литературной жизни Одессы 1920-х годов, добавим мы, оказался тесно связан с проблемами писательского труда, над которыми задумывался К.Г. Паустовский на протяжении всего своего творческого пути, начиная с работы в газете «Маяк».

Библиография

- Александров Р. *Хождение внутри книги*, Одесса 2013, 440 с. Измайлов А. *Наедине с Паустовским*, Ленинград 1990, 135 с.
- Квятковский А. *Поэтический словарь*, Москва 1996, 376 с.
- Козачинский А. *Зелёный фургон*, Диковский С. *Патриоты*, Москва 1984, 526 с. Кременцов Л. *К.Г. Паустовский. Жизнь и творчество*, Москва 1982, 96 с.
- Малиновский А. *Аспекты изучения литературных жанров*, Одесса 2011, 88 с.
- Малиновский А. «Черное море» К.Г. Паустовского в русле авторских жанровых поисков [в:] *Под звездой Паустовского*, Одесса 2012, с. 80-83.
- Паустовский К. *Время больших ожиданий (Рассказы, дневники, письма)*, Одесса 2012, 485 с.
- Паустовский К. *Рассказы. Очерки и публицистика. Статьи и выступления по вопросам литературы и искусства*. Москва 1972, 383 с.
- Паустовский К. *Собрание сочинений*: в 6 т., Москва 1987, т. 2, 750 с.

¹⁸ А.Малиновский, *Аспекты изучения литературных жанров*, Одесса 2011, с. 14.

¹⁹ Там же, с. 16.

²⁰ А.Малиновский, «Черное море» К.Г. Паустовского в русле авторских жанровых поисков [в:] *Под звездой Паустовского*, Одесса 2012, с. 83.

²¹ Там же, с. 82.

- Паустовский К. *Умение видеть* [в:] *Вопросы литературы*, 1963, №12, с. 120-133.
Соколянский М. *Пуант и его разновидности в концовках драматических произведений* [в:] *Слов'янські наукові читання: Літературознавчий та лінгвокультурологічний аспекти*, Одесса 2016, с. 22-31.

Tamara Morewa

Odessa I. I. Mechnikov National University

**ON GENRE PECULIARITIES OF „THE ODESSIAN” CHAPTER „AN OCCURRENCE
IN ALISCHWANG'S SHOP” IN THE NOVEL „THE GOLDEN ROSE”
BY K. G. PAUSTOVSKY**

Summary

This article focuses on a fragment of a book by Konstantin Paustovsky entitled „The Golden Rose” (1995). The problem of a writer's work, which is central in the book, was one of the essential themes for Paustovsky. The chapter „An Occurrence in Alischwang's Shop” dedicated to the language of a work of art, illustrates an idea uttered by Paustovsky about a point which, if put on time, exerts an astounding effect upon a reader. Moreover; it gives an insight into the peculiarities of the literary life of Odessa in the 1920s.

The author sees the task of this study in determining a genre of the „Odessian” chapter of „The Golden Rose”. In the author's opinion, there are some telling reasons why „An Occurrence in Alischwang's Shop” may be referred to the category of semidocumentary genres and be defined as an essay on the life of Odessa in the 1920s. Veracious facts, events, the outward are what is brought to the fore; the writer names genuine surnames of real individuals and describes real localities of the events narrated, with a keen attention to the actual atmosphere and setting. At the same time, there can be seen no less weighty reasons why „An Occurrence in Alischwang's Shop” may be classed as one of properly epical genres, or rather a short story. And, given the point in it, this is a novella.

There is nothing strange in such genre ambiguity of „An Occurrence in Alischwang's Shop”. The writer himself could not define the book that comprises this chapter. Furthermore, it is known from the literary criticism that a genre, by its nature, runs to integrity, i.e. synthesis. It embraces the aspects related to both form and matter. „An Occurrence in Alischwang's Shop” is grounded on the same principle: a personal perception of the outward by its author and his striving for reconstructing the genuine events as precisely as possible takes on its artistic form.

A genre synthesis allows understanding the inter-genre interaction of novella and essay in the works by K. Paustovsky. In the writer's fiction world the interaction of genres is determinate and is attributed to the author's peculiar intellect.

Key words: genre, novel, essay, the art world of writer.

Ключевые слова: жанр, новелла, эссе, художественный мир писателя.

ТАМАРА МОРЕВА – кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы Одесского национального университета имени И.И.Мечникова.

Основное направление научной деятельности: проблемы литературного процесса II половины XIX века, проблемы литературного процесса I половины XX века (предромантизм и романтизм в русской и европейских литературах).

Кандидатская диссертация: «Творческая эволюция В.Ф.Одоевского (проблема метода)».

Учебная деятельность: история древнерусской литературы; история русской литературы II половины XIX века; история литературы эпохи Средневековья; история мировой литературы II половины XIX века; история мировой литературы XX века.

Научные работы. Автор более 100 опубликованных работ: О жанровых особенностях произведений О.Стороженко и В.Короленко о встрече человека с чортом (Проблемы сучасного літературознавства, Одеса, 2016, вип. 22, с. 230-238); Конфигурация точек зрения в рассказе А.С.Грина «Серый автомобиль» (Мова і культура, Київ, 2016, вип.18, том V (180), с. 82-88). Один из авторов нескольких коллективных монографий, в числе которых – «Авторские миры в художественном тексте». Один из авторов нескольких учебных пособий: «Эпос древности и средневековья», «Русская литература второй половины XIX в. часть 2: 1870-1890-е гг. ».